

Ю. В. БОРИСОВ

ДЕ ГОЛЛЬ И США: 40–60-е годы XX века

"БОЛЬШОЙ ШАРЛЬ": СТАНОВЛЕНИЕ ПАТРИОТА

"Большой Шарль" – так в годы Второй мировой войны называли генерала Шарля де Голля американские дипломаты. Они имели в виду не только необычный для французов высокий рост де Голля (192 см). Генерала называли "большим" за его высокие интеллектуальные качества, твердую волю и преданность национальным интересам Франции, которой он верно служил всю свою жизнь. Де Голль – один из тех политиков, память о котором, уроки его деятельности не подвластны времени¹.

Когда в 1890 г. в провинциальном городе Лилле в семье скромного преподавателя литературы родился третий ребенок, названный Шарлем, казалось, ничто не предвещало его необычной судьбы. Но ведь талант как алмаз: только умелая и тонкая шлифовка жизненными обстоятельствами превращает его в драгоценный камень. С раннего детства Шарля воспитывали в семье, а затем колледже иезуитов в духе просвещенного национализма: подчинения личности государству и власти; преданности католической церкви и христианской религии; уважения и любви к национальной истории и культуре; культ армии и военной службы.

Нация для де Голля представляла собой абсолютную и неподлежащую критике духовную ценность, в то время как различные идеологии и теории, политические партии представляли собой категории относительные и даже эфемерные. Именно защиту национальных интересов и национальной независимости страны генерал считал "железным законом" государства, общества и личности. А само государство, по де Голлю, это единственно возможная форма существования народов.

Говорят, что националист, как правило, патриот. Но патриот необязательно националист. Для де Голля с детства два этих понятия слились в более высокой категории, одновременно прагматической и романтической, категории величия Франции. Де Голль писал: "Разум также убеждает меня в том, что Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах; что только великие деяния способны избавить Францию от пагубных последствий индивидуализма, присущего ее народу; что наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и не перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишённая величия, перестает быть Францией. Это убеждение росло вместе со мной в той среде, где я родился. Отец мой, человек образованный и мыслящий, воспитанный в определенных традициях, был преисполнен веры в высокую миссию Франции. Он впервые познакомил меня с ее историей. Моя мать питала к родине чувство беспредельной любви, которое можно сравнить лишь с ее набожностью. Мои три брата, сестра, я сам – все мы гордились своей страной. Эта гор-

---

Борисов Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии информатизации при ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

¹ О жизни и деятельности Ш. де Голля см.: *Молчанов Н.Н.* Генерал де Голль. М., 1988; *Антюхина-Московченко В.И.* Шарль де Голль и Советский Союз. М., 1990; *Новиков Г.Н.* Де Голль, голлисты и голлизм. – Новая и новейшая история, 1990, № 3; *Смирнов В.П.* Генерал де Голль в годы второй мировой войны: становление идеологии голлизма. – Новая и новейшая история, 1990, № 6.

дость, к которой примешивалось чувство тревоги за ее судьбы, была нашей второй натурой"². Вдохновенные слова ярко раскрывают духовный мир де Голля, источники его силы, воли, мужества. Таким он был всю сознательную жизнь.

С юности Шарль придерживался традиционных консервативных взглядов, в основе которых лежали культ армии и культ семьи. В семье де Голля французскую армию боготворили. Родственники и друзья восхищались победами французского оружия на полях сражений и всегда находили оправдания для поражений Франции. Молодой Шарль зачитывался произведениями Шарля Леги и Альфреда де Виньи, воспевавших воинскую славу, доблесть и мужество. Когда пришло время выбора жизненного пути, де Голль без колебаний стал военным.

Получив военное образование, де Голль подверг профессиональной критике военную доктрину Франции, которая после окончания Первой мировой войны словно застыла во времени конной тяги и позиционной тактики, игнорируя или недооценивая применение новой военной техники, прежде всего танков и авиации. Французский генералитет, зараженный эйфорией победы над Германией в Первой мировой войне, ответил "мечтателю" и "фантазеру" де Голлю полнейшим пренебрежением. Но это не остановило молодого офицера. Свои взгляды на армию и военное искусство де Голль изложил в работах, опубликованных между двумя мировыми войнами: "Раздор в стане врага" (1924), "На острие шпаги" (1933), "За профессиональную армию" (1934), "Франция и ее армия" (1938).

В обстановке 30-х годов, когда правительства Англии и Франции проводили политику умиротворения фашистских агрессоров, идеи де Голля стали сигналом тревоги для Западной Европы. Для французского военного командования они звучали призывом к пересмотру устаревшей военной доктрины, к вооружению армии новой авиационной и бронетанковой техникой. Однако практические выводы из анализа де Голлем предвоенной ситуации в Европе и перспектив ее развития сделали не в Париже и Лондоне, а в Берлине – германские теоретики и практики военного дела, среди которых уже в то время выделялся генерал Гудериан.

К началу Второй мировой войны полковник де Голль пришел со сложившейся системой взглядов на внешнюю и оборонную политику Франции, с четкой программой модернизации ее вооруженных сил. В основе взглядов де Голля лежали идеи величия Франции, защиты ее государственной независимости и национальных интересов.

Нередко считают, что имманентно присущей национализму чертой всегда и везде является агрессивность. С такой постановкой вопроса нельзя согласиться. Национализм многолик. Опыт истории учит, что он становится захватническим, разрушительным, бескомпромиссным в эпохи социальных потрясений и международных конфликтов. В период сравнительно мирного развития страны национализм ее государственных, политических, общественных и военных деятелей может вполне укладываться в рамки относительной стабильности общества и внутреннего равновесия личности.

Это замечание в полной мере относится к де Голлю довоенного времени. Тогда его мировоззрение проявлялось в неизменном и последовательном соблюдении личного достоинства человека и офицера, в верности чувству национальной гордости, в твердости и последовательности патриотических взглядов. Такая линия поведения подверглась суровому испытанию после поражения Франции в 1940 г., ее капитуляции перед гитлеровской Германией и связанным с этими событиями национальным унижением.

РУЗВЕЛЬТ И ДЕ ГОЛЛЬ: ДВА УПРЯМЫХ ХАРАКТЕРА

К началу Второй мировой войны у де Голля была репутация способного, смелого, самостоятельного и оригинально мыслящего офицера. Может быть, именно поэтому его военная карьера складывалась трудно. Лишь летом 1940 г. в разгар "странной войны"

---

² *Голль Ш. де. Военные мемуары 1940–1942 годы. М., 1957, с. 29.*

глава французского правительства П. Рейно присвоил де Голлю звание генерала и направил его для переговоров с английскими властями в Лондон. Из столицы Англии генерал де Голль в июне 1940 г. по радио призвал французский народ к сопротивлению фашистским захватчикам.

В исторически кратчайший срок де Голль стал символом сражающейся Франции в борьбе с фашизмом, одним из лидеров антигитлеровской коалиции, имя которого стало упоминаться в одном ряду с лидерами "Большой тройки" – Ф. Рузвельтом, И.В. Сталиным и У. Черчиллем.

Одной из особенностей деятельности де Голля в годы Второй мировой войны является его резко критическое отношение к внешней и военной политике США. В ответ американская дипломатия создала и активно пропагандировала легенду о генерале де Голле как "железном упрянце", "самонадеянном солдафоне", "бескомпромиссном политике". Президент США Рузвельт относился к де Голлю с личной неприязнью, иногда скрытой, но чаще – откровенной. Так, 8 мая 1943 г. Рузвельт писал Черчеллю: "Де Голль может быть и честный человек, но он одержим манией мессианского комплекса. Я не знаю, что с ним делать"³. Президент лукавил. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, как следует поступить, и советовал британскому премьеру "порвать с этой личностью, которая вредит военным усилиям союзников"⁴. Рузвельт был, несомненно, тонким дипломатом, в совершенстве владевшим искусством переговоров. Но во время встреч с де Голлем президенту США не всегда удавалось скрывать свои эмоции. Как вспоминал об одной из таких встреч де Голль, Рузвельт "подобно кинозвездам, хмурился, видя, что другие тоже могут играть роль. Рузвельт не особенно благосклонно взирал на мою особу, хотя прятал свои чувства под галантным обхождением патриция"⁵.

В общем можно сказать, что президент США применял по отношению к де Голлю классическую тактику кнута и пряника. Во время личной встречи с де Голлем в США в июле 1944 г. от раздражения Рузвельта, казалось, не осталось и следа. Президент был воплощением доброжелательства, радушия, гостеприимства. Но Рузвельта словно подменили, когда он начал говорить об американской внешней политике. Утонченный дипломат уступил место жесткому прагматику, для которого существовали только американские интересы. Агрессивный национализм США, традиционно претендовавших на мировое лидерство, получил в высказываниях Рузвельта свое теоретическое обоснование.

Рузвельт с присущим ему красноречием говорил о новом мировом порядке во главе с директорией четырех держав: США, СССР, Англии и Франции, которые обеспечат торжество мира и демократии на планете. Однако особое место в новой мировой структуре президент безоговорочно отводил США. Именно они намерены были оказывать материальную помощь странам, разоренным войной, а для их обороны создать повсюду американские военные базы.

Вспоминая о беседе с Рузвельтом, де Голль писал: «Он рисует легкими, тонкими штрихами. Рисует так хорошо, что трудно решительно возражать этому художнику, этому "соблазнителью"». Но, делая выводы, генерал иронически заметил: "Как это характерно для людей: идеализм прикрывает стремление к могуществу"⁶.

Поблагодарив президента за предложение американской помощи, де Голль решительно высказался против исключения Франции из числа великих держав, настаивая на том, что его стране необходимо восстановить свою силу в сфере политики, вернуть веру в себя, а, следовательно – и свою роль в мире. "Но разве это возможно, если ее держат вне великих мировых решений, если она теряет свои африканские и азиатские владе-

³ Молчанов Н.Н. Генерал де Голль, с. 205.

⁴ Там же, с. 209.

⁵ Там же, с. 199.

⁶ Там же, с. 229.

ния, если война будет завершена таким образом, что внушит ей психологию побежденных", – заметил де Голль⁷.

Когда в 1945 г. Рузвельт возвращался с Ялтинской конференции руководителей "Большой тройки", он предложил де Голлю встретиться в Алжире. Но де Голль, зная, что его не пригласили в Ялту именно из-за возражений Рузвельта, от этой встречи отказался. В ответ, выступая в конгрессе США, Рузвельт назвал де Голля "примадонной, которая из-за своего каприза кинозвезды пренебрегла полезной встречей"⁸.

Личностные мотивы играли немалую роль и в отношении Черчилля к де Голлю и его движению "Свободная Франция". Британский премьер-министр, как и Рузвельт, недолюбливал французского генерала, неоднократно вступал с ним в жесткую полемику. Однако Черчилль отдавал себе отчет в том, что для безопасности Англии судьба ее вечной соседки – Франции является несравненно более важной, чем для США. Именно об этом свидетельствовал многовековой опыт англо-французских отношений. Поэтому правительство Черчилля финансировало де Голля, предоставляло ему и его сторонникам убежище на британских островах, снабжало его оружием, хотя и с большими трудностями и в ограниченных размерах. Разрыв с де Голлем для Черчилля был фактически исключен. Разумеется, он старался воздерживаться от критики антиголлистской политики США.

Администрацию США и правительство Англии объединяло общее стремление не допустить захвата колониальных владений, военного и торгового флота Франции фашистскими державами. И в Лондоне, и в Вашингтоне боялись потерять "французское наследство" и делали все возможное, чтобы завладеть им. Вместе с тем, Рузвельт и Черчилль расходились в своих оценках возможной в будущем, после окончания войны, роли французского государства в Европе и в мире. "В сущности, американские политики считали, что Франция уже перестала быть великой державой", – писал де Голль⁹. Именно к такому выводу пришли и в официальном Вашингтоне. Черчилль занимал иную позицию: он считал, что французская республика "полностью возродится и скоро станет великой державой"¹⁰.

Разумеется, личные позиции и взаимоотношения "сильных мира сего" не определяют хода истории, но всегда оказывают на него влияние. Жесткость и откровенная грубость де Голля в его отношениях с американскими политиками и дипломатами была вызвана не отсутствием у него самоконтроля, а тщательно продуманной линией поведения, направленной на освобождение и возрождение Франции. Эта задача была архисложной. В начале де Голль был почти в одиночестве, если не считать небольшую группу его соратников. "Во Франции – никого, кто бы мог за меня поручиться, и я не пользовался никакой известностью в стране. За границей – никакого доверия и оправдания моей деятельности. Но тот факт, что у меня ничего этого не было, указывал линию поведения. Лишь отдав все свои силы делу спасения отечества, я смог бы создать себе авторитет. Лишь выступая в роли непоколебимого защитника нации и государства, мне удалось бы привлечь французов к ведению борьбы, даже вызвать у них энтузиазм и добиться признания и уважения иностранных держав"¹¹.

"Непоколебимый защитник нации и государства" – так определял де Голль свою роль во французском движении Сопротивления. Он свято верил в свою историческую миссию, в соответствии с ней действовал в эмиграции последовательно и твердо, вызывая раздражение в официальных кругах Вашингтона и, в меньшей мере, Лондона. Тактика де Голля неоднократно угрожала ему разрывом с западными союзниками, что бы-

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 257.

⁹ *Голль Ш. де.* Указ. соч., с. 26.

¹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. II. М., 1978, с. 91.

¹¹ *Голль Ш. де.* Указ. соч., с. 110.

ло равносильно для французской эмиграции политической и военной катастрофе. "Несчастье состояло в том, что среди правителей всех великих держав американское правительство создало самые большие трудности голлистскому делу, – писал французский историк Ж.-Б. Дюрозель. – Рузвельт сделал все, что было в его силах, чтобы помешать де Голлю играть решающую политическую роль"¹².

Даже после вступления США во Вторую мировую войну "провишистская дипломатия Рузвельта"¹³ сохранялась и продолжала действовать. Французский историк П. Кэй в монографии "Дипломатическая история Виши" приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что американский президент считал возможным сотрудничать с режимом маршала Петена во французской колониальной империи и даже рассчитывал использовать окружение маршала для борьбы с гитлеровцами. Поэтому с благословения Рузвельта и госсекретаря К. Хэлла США сохраняли дипломатические отношения с правительством Виши, поддерживали постоянные контакты с близкими к Петену политиками и военными: генералом Вейганом, адмиралом Дарланом, официально считавшимся наследником Петена. Что же касается де Голля, то в его политическое будущее Рузвельт не верил, считал его не более чем символом довоенной Франции, навсегда ушедшим в прошлое и не имеющим шансов на приход к власти. По словам французского дипломата Р. Массигли¹⁴, после поражения Франции, Рузвельт испытывал к ней «"презрение" – слово не является слишком сильным, и для него она больше не существовала»¹⁵.

Сотрудничество США с режимом Виши с самого начала приняло конкретные материальные формы. Уже в феврале 1941 г. американский консул при правительстве Виши Мэрфи подписал соответствующие секретные соглашения. Хэлл признавал, что стратегическое сырье и продовольствие из США поступают "через Францию Виши в Германию"¹⁶.

В 1941 г. в Северную Африку и на не оккупированную немцами французскую территорию американцы отправили 10 тыс. тонн бензина, 6 тыс. тонн нефти, 4 тыс. тонн угля, 12 тыс. тонн газа. Более того, даже в занятые германскими войсками районы Франции на французских кораблях, задержанных в американских портах, было доставлено зерно. В октябре 1941 г. Мэрфи заверил правительство Виши, что во французские колониальные владения поступят дополнительно еще 30 тыс. тонн горючего и 13 тыс. тонн нефти¹⁷.

Факты сотрудничества администрации Рузвельта с вишистами, ее враждебные голлистскому движению в эмиграции действия, недоверие лично к де Голлю и его ближайшим соратникам проявлялись неоднократно и открыто. Наиболее острым был франко-американский конфликт из-за островов Сен-Пьер и Микелон, принадлежавших Франции и находившихся поблизости от Ньюфаундленда. Острова были заняты вишистами во главе с адмиралом Робером. На одном из островов работала радиостанция, передававшая метеорологическую информацию германским подводным лодкам. Но в Вашингтоне, хотя США уже находились в состоянии войны с Германией, мирились с немецким присутствием на островах. Более того, госдепартамент США подписал с Робером соглашение, сохранявшее сложившуюся ситуацию.

Однако де Голль принял решение не считаться с позицией США, и 24 декабря 1941 г. французские моряки высадились на Сен-Пьере и Микелоне. Правила формальной демократии голлистами были соблюдены. Состоялся плебисцит, на котором все местное население (5 тыс. человек) проголосовало за присоединение островов к "свободной

¹² Duroselle J.-B. La France et les États-Unis des Origines à nos jours. Paris, 1976, p. 164, 169.

¹³ Queuille P. Histoire diplomatique de Vichy. Paris, 1976, p. 137.

¹⁴ Р. Массигли начал свою дипломатическую карьеру в 1919 г., работал с 17 министрами иностранных дел Франции, а с января 1943 г. возглавлял голлистский комиссариат иностранных дел.

¹⁵ Massigli R. Une comédie des erreurs 1943–1956. Paris, 1978, p. 27.

¹⁶ Hull C. The Memoirs, v. 11. New York, 1948, p.1161–1162.

¹⁷ Ibidem.

Франции". Власть вишистов на островах была упразднена. Правительство Петена резко критиковало США "за попустительство" де Голлю. Администрация Рузвельта была вынуждена реагировать на эту критику. Хэлл публично осудил действия голлистов, назвав их "так называемыми свободными французами". На этот раз возмутилось американское общественное мнение. В Вашингтон хлынул поток телеграмм со всех концов США, адресованных "так называемому государственному секретарю" и "так называемому госдепартаменту". Однако американские власти настолько дорожили сотрудничеством с французскими коллаборационистами, что Рузвельт (он сообщил об этом Черчиллю) готов был послать американский линкор "Арканзас", чтобы силой изгнать голлистов с островов или "навести порядок оружием голода", т.е. заблокировать их. В конечном счете, де Голль потерпел чувствительное дипломатическое и военное поражение. Власть правительства Виши на островах Сен-Пьер и Микелон была восстановлена.

Враждебность администрации США к де Голлю нередко принимала опасные для антигитлеровской коалиции формы. Рузвельт отказался информировать де Голля о плане высадки в 1942 г. англо-американских войск в Северной Африке и не согласился на участие голлистов в этой операции. 13 ноября 1942 г. американцы назначили ближайшего сподвижника Петена – адмирала Дарлана главой французской гражданской администрации в африканских владениях Франции. Адмирал 4 декабря 1942 г. образовал "Совет империи", в который вошли деятели вишистского режима генералы Ногес, Барес, губернаторы Буассон (Западная Африка) и Шатель (Алжир). "Это решение, продлевающее режим Виши в Северной Африке, вызвало, конечно, протесты генерала де Голля", – пишет Ж.-Б. Дюрозель¹⁸.

Если Рузвельт готов был расправиться со "свободными французами" даже с помощью вооруженной силы, то Черчилль, хотя де Голля и его сторонников не любил, порывать с ними не хотел.

Расхождения по "французскому вопросу" не мешали Рузвельту и Черчиллю выступать единым фронтом по принципиальным вопросам участия эмигрантского голлистского движения в антигитлеровской коалиции. Между руководителями США и Англии существовало согласие и молчаливое распределение ролей. Антифранцузские инициативы, как правило, выдвигали американцы, а англичане поддерживали их с оговорками, проявляя, а чаще имитируя дружеские чувства к французам. Фактически де Голль и его движение находились в международной изоляции. Генерала и его сторонников активно и твердо поддерживала только советская дипломатия.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА И ДЕ ГОЛЛЬ

На всем протяжении Великой Отечественной войны Советский Союз последовательно поддерживал де Голля и его движение как активных участников антигитлеровской коалиции. В противоположность американским лидерам в Москве считали, что Франция непременно восстановит свое положение в Европе и вернет в мире свои экономические и военно-стратегические позиции. Сталин на Ялтинской конференции "Большой тройки" в феврале 1945 г. высказался "за великую Францию", заявив, что СССР заинтересован в том, чтобы "у Франции была сильная армия"¹⁹.

Такая постановка вопроса была фактически критикой Рузвельта, который, вопреки советскому предложению о приглашении де Голля в Ялту, отказался даже встречаться с французским генералом.

Советская политика в отношении Франции не была конъюнктурной, навязанной условиями и потребностями войны. Между Советским Союзом и Францией не существовало непримиримых территориальных, торгово-экономических и иных противоречий. Главный урок политики поощрения германского и итальянского фашизма, прово-

¹⁸ Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1971, p. 368.

¹⁹ Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г. Сборник документов. М., 1979, с. 72.

димой в предвоенные годы правящими кругами Франции и Англии, состоял в том, что прочный мир и безопасность на европейском континенте невозможны без сотрудничества и совместных действий западных демократических государств и СССР.

После 22 июня 1941 г. первостепенная задача советской дипломатии состояла в объединении всех антифашистских сил, где бы они ни находились и какими бы возможностями ни располагали. Поэтому де Голль получил поддержку СССР уже через несколько месяцев после начала Великой Отечественной войны. 24 сентября 1941 г. в Лондоне был создан Французский национальный комитет, а 26 сентября 1941 г. Советский Союз признал де Голля как "руководителя всех свободных французов, где бы они ни находились". Советское правительство выразило свою готовность "оказать свободным французам всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками", заявило о своей решимости после совместной победы "обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции"²⁰.

Голлистское движение в эмиграции расширялось, принимало новые организационные формы, требовавшие его признания со стороны ведущих держав антигитлеровской коалиции. Факты свидетельствуют о том, что на каждом этапе этого процесса де Голль вынужден был преодолевать трудности, создаваемые американской администрацией, которую, как правило, поддерживал Черчилль. Советская дипломатия оказывала помощь генералу и его сторонникам. Дружественная политика Советского Союза имела для французов в военные годы первостепенное значение.

В начале 1942 г. Французский Национальный комитет обратился к союзным державам с просьбой о признании его Временным правительством Франции. Позиция госдепартамента США была резко отрицательной. Хэлл заявил, что "не могло быть и речи" о признании Соединенными Штатами де Голля главой правительства²¹. В беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР в Лондоне 24 мая 1942 г. де Голль признал, что США и Великобритания рассматривали движение свободных французов как чисто военную организацию, "избегая всячески политической квалификации"²². Этот вопрос имел для голлистов принципиальное значение, так как признание Национального комитета Временным правительством Французской республики давало бы ему широкие властные полномочия. Но это не входило в планы Рузвельта и Черчилля. Они не хотели единовластия Национального комитета, резко ограничивающего возможности американцев и англичан в их попытках заменить де Голля более покладистым французским генералом (в кандидатурах недостатка не было), который бы беспрекословно выполнял рекомендации Вашингтона и Лондона.

Голлисты учитывали, что позиция США и Англии исключала создание эмигрантского французского правительства, и в июне 1942 г. предложили именовать свое движение "Сражающаяся Франция". Под этим названием понималась "совокупность французских территорий и граждан, которые не признают капитуляции и которые где бы они ни находились, способствовали имеющимся в их распоряжении средствами освобождению Франции в результате общей победы союзников". Особое беспокойство вызвало в Вашингтоне то обстоятельство, что де Голль рассматривал Французский Национальный комитет в качестве единственного руководящего органа, имеющего право обеспечивать "участие французов в войне и представлять при союзниках французские интересы"²³.

9 июля 1942 г. было опубликовано коммюнике президента США, в котором голлистское определение "Сражающейся Франции" даже не упоминалось, а Национальный комитет был назван лишь "символом" французского Сопrotивления²⁴.

---

²⁰ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1959, с. 47.

²¹ Борисов Ю.В. Советско-французские отношения (1924–1945). М., 1964, с. 476.

²² Советско-французские отношения..., с. 83.

²³ Там же, с. 83.

²⁴ Борисов Ю.В. Указ. соч., с. 478.

Только правительство СССР 29 сентября 1942 г. приняло без каких-либо изменений определение понятия "Сражающаяся Франция" и функции его руководящих органов. Это был важный международно-правовой прецедент для де Голля. По словам французского дипломата Дежана, одного из близких соратников де Голля, советская формула признания явилась "новым этапом в развитии совместных усилий Франции и Советского Союза в борьбе с агрессией и фашизмом"²⁵.

Голлистское движение в эмиграции расширилось, принимало новые организационные формы, требовавшие признания ведущих держав антигитлеровской коалиции. Факты свидетельствуют о том, что на каждом этапе этого процесса де Голль вынужден был преодолевать трудности, создаваемые американской администрацией.

Однако сложный процесс дипломатического признания движения де Голля продолжался. В июне 1943 г. был создан Французский Комитет Национального Освобождения (ФКНО). Встал вопрос о его признании. Американская и английская дипломатии не торопились с этим актом. Британский посол в Москве Керр сообщил в народный комиссариат иностранных дел (НКВД), что правительство Англии считает признание ФКНО несвоевременным, и просил советскую сторону не обращаться к ФКНО без предварительных консультаций с Лондоном. Нажим союзников на правительство СССР нарастал. В ход пошла "тяжелая артиллерия". 23 июня 1943 г. Черчилль писал Сталину: "Невероятно, чтобы британское правительство и тем более правительство Соединенных Штатов признали этот Комитет в скором времени"²⁶. Через неделю после письма Черчилля негативная позиция Лондона и Вашингтона была еще раз подтверждена в Москве английским и американским послами.

Политика СССР оставалась неизменной. В Москве считали, что декларация ФКНО в общем удовлетворительная и его признание не следует откладывать, так как оно облегчит и ускорит "дальнейшее сплочение антигитлеровских французских сил"²⁷.

Однако советская дипломатия не могла не считаться с тем, что "французский вопрос" осложнял отношения между лидерами антигитлеровской коалиции.

В Москве пошли на тактическую уступку, согласились на короткий срок отложить признание ФКНО. Но оно состоялось 26 августа 1943 г. Различия между формулами признания ФКНО тремя державами антигитлеровской коалиции были, однако, существенными. Советский Союз признал Комитет "как представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании", то есть, по существу, в качестве Временного правительства Франции, обладающего всеми властными функциями.

США и Англия признали ФКНО в качестве органа, управляющего теми французскими территориями, "которые признают его власть". Эта оговорка давала возможность правящим кругам США и Англии по их произволу признавать или отвергать суверенитет Франции над той или иной французской территорией. Чтобы смягчить недовольство де Голля и его окружения, в Вашингтоне и в Лондоне не придумали ничего лучшего, как заявить, что правительства США и Англии "с сочувствием" приняли к сведению "желание ФКНО, чтобы его рассматривали в качестве органа, способного обеспечить защиту французских интересов"²⁸.

Де Голль и его окружение прекрасно понимали, кому они были обязаны безоговорочным признанием ФКНО. Как заявил представитель Сражающейся Франции в Москве генерал Пети, французы были благодарны "Советскому правительству за признание их Комитета и за роль, которую советское правительство сыграло в вопросе о признании Комитета другими державами"²⁹.

---

²⁵ Советско-французские отношения..., с. 95.

²⁶ Там же, с. 167.

²⁷ Там же, с. 164.

²⁸ Там же, с. 190.

²⁹ Там же, с. 207.

Наряду с признанием временных органов государственной власти, созданных де Голлем в эмиграции, большое значение имело участие французских представителей в международных организациях союзников, которые возникли после решающих побед Красной Армии под Сталинградом, Орлом и Курском, когда поражение фашизма стало неизбежным. Советская дипломатия предложила включить представителя ФКНО в состав Средиземноморской комиссии по переговорам с Италией. Это предложение встретило возражение Рузвельта. Президент США писал: "Мое намерение никогда не состояло в том, чтобы Французский комитет национального освобождения действовал на том же уровне, что и Правительства Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов, или принимал участие в их переговорах по всем вопросам"³⁰. Рузвельт не разделял точку зрения Черчилля, считавшего, что "Франция полностью возродится".

Однако и в отношении ФКНО британская дипломатия, как всегда, следовала за американской. Министр иностранных дел Англии А. Иден считал, что отказ Национального комитета от участия в комиссии по Италии "никого особенно не тронет, а американцы будут восхищены". По мнению Идена, Франция не должна была быть полноправным членом Средиземноморской комиссии³¹.

Но советские дипломаты настаивали на приглашении французской делегации. В итоге западные союзники отступили. В январе 1944 г. американский посол в Москве сообщил в НКВД, что "президент одобрил назначение французского представителя в союзную контрольную комиссию"³².

Особое значение для Франции имела деятельность Европейской консультативной комиссии (ЕКК), основная задача которой состояла в рассмотрении вопросов послевоенного урегулирования в Германии. Для Франции создание в близком будущем надежной системы европейской безопасности было жизненно важной задачей. Это прекрасно понимали в Москве, но игнорировали в Вашингтоне и в Лондоне. В октябре 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании Иден предложил создать в Лондоне для обсуждения германского и других европейских вопросов Комиссию трех держав без Франции. Хэлл поддержал англичан, заявив, что право решающего голоса в ЕКК должны иметь правительства СССР, США и Англии, "так как иначе это будет только мешать работе комиссии, если мы уже сейчас на этом этапе будем включать сюда представителей различных групп или различных комитетов"³³.

Глубинные причины американской политики во "французском вопросе" раскрыл советский посол в Вашингтоне А.А. Громько: "Позиция, занятая американцами, объясняется отчасти тем, что они пытаются добиться от французов уступок в части получения баз во французских владениях. Кроме Дакара и Касабланки, американцы стремятся получить и другие базы, в частности, в Индокитае (по освобождении от японцев) и Новой Каледонии. Кроме того, американцы пытаются сделать на де Голля нажим по испанскому вопросу. Они считают, что де Голль занял чересчур отрицательную позицию в отношении Франко, и пытаются их примирить"³⁴.

2 июня 1944 г. ФКНО был преобразован во Временное правительство Французской республики. Оно настойчиво добивалось участия своих представителей в ЕКК. Во французской ноте дипломатическим ведомствам СССР, США и Англии от 18 сентября 1944 г. говорилось, что Франция заинтересована в решении европейских проблем, которые возникнут в связи с поражением гитлеровской Германии: восстановление государств, оккупированных фашистами; пограничные и территориальные вопросы. Советская позиция была последовательной. НКВД заявил, что уже при организации ЕКК

---

³⁰ Там же, с. 219.

³¹ Там же, с. 482.

³² Там же, с. 526.

³³ Там же, с. 529.

³⁴ Там же, с. 311.

предложение Советского правительства о включении в ее состав французских представителей "не было поддержано англичанами и американцами". В октябре 1944 г. советская сторона подтвердила свою позицию. По словам де Голля, советская инициатива явилась первым в годы войны официальным признанием права Франции решать все европейские проблемы наравне с тремя великими державами. В таких условиях западные союзники не могли больше занимать недружественную в отношении голлистов позицию. Французы получили приглашение участвовать в ЕКК. Находясь в Москве в декабре 1944 г., де Голль подчеркнул, что именно советское правительство добилось согласия Англии и США на участие Франции в работе ЕКК в качестве ее четвертого постоянного члена. "Французы это знают и благодарят за это", – заявил де Голль³⁵.

Подписанный де Голлем в Москве советско-французский договор о союзе и взаимной помощи укрепил позиции де Голля в его взаимоотношениях с США и Англией, явился первым крупным международно-правовым актом голлистского движения после капитуляции Франции в 1940 г.

ГОЛЛИЗМ И США: ИТОГИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Серьезные трения возникли между де Голлем и американской администрацией по вопросу организации управления французской территорией, освобожденной от гитлеровцев. И в Вашингтоне, и в Лондоне считали, что в освобожденных от захватчиков районах Франции должен действовать оккупационный режим американско-английской военной администрации. Попытка реализовать такой план была осуществлена США и Англией на Корсике. Но она не удалась. Вооруженные корсиканские патриоты создали свою систему управления на острове. В Вашингтоне вынуждены были примириться с этим.

В октябре 1943 г. Иден, выражая общую позицию Западных держав, передал правительству СССР "Основную схему управления освобожденной Францией". Согласно схеме, верховную власть на освобожденной территории страны осуществлял главнокомандующий союзными войсками и лишь под его надзором "насколько это возможно" французские граждане могли осуществлять функции гражданской администрации. Это было фактическое отстранение ФКНО от управления Францией. В меморандуме правительства США подчеркивалось: "Главнокомандующий союзными силами будет обладать всеми правами военной оккупации, вытекающими из состояния войны. В своих действиях он будет руководствоваться тем, что во Франции не существует суверенного правительства"³⁶.

В октябре 1943 г. "Основная схема" была рассмотрена на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Советская делегация поставила ряд острых вопросов, вызвавших раздражение в Вашингтоне: о взаимоотношениях верховного союзного главнокомандующего и ФКНО; о роли Комитета в управлении страной и взглядах его представителей. Из обсуждения, например, следовало, что западные союзники были намерены ограничить полномочия ФКНО установлением связей между ним и войсками союзников. Советская делегация с такой узкой постановкой вопроса согласиться не могла. На Московской конференции "Основную схему" не утвердили и передали на рассмотрение ЕКК.

Тем не менее, американцы попытались действовать в обход и советской дипломатии и ФКНО. В апреле 1944 г. в директивах верховному главнокомандующему экспедиционными силами союзников генералу Д. Эйзенхауэру указывалось, что он будет "осуществлять верховную власть" на освобожденной французской земле, окончательно решать вопрос о том, "где, когда, как гражданская администрация во Франции будет осуществляться французскими гражданами, всегда помня о том, что определяющим

³⁵ Там же, с. 343.

³⁶ Там же.

фактором должна быть военная обстановка". Главнокомандующий не обязан был консультироваться только с ФКНО и мог "предпочесть какой-нибудь иной образ действий или орган для консультаций"³⁷. Практически это означало, что военные власти союзников могли сотрудничать с кем угодно, в том числе, и с вишистами. Так оно и было на самом деле. Громько сообщал в Москву, что американский адмирал Леги настойчиво рекомендовал Рузвельту "ориентироваться на сотрудничество с Петеном"³⁸. Что касается советской дипломатии, то она занимала последовательную позицию и на англо-американскую схему управления освобожденной Францией так и не согласилась. Переговоры с западными державами по этой важнейшей проблеме велись несколько месяцев, но не дали никаких результатов³⁹.

С началом освобождения французской территории, правительства США и Англии пытались сосредоточить в своих руках всю власть во Франции и взять на себя решение вопроса о характере политического устройства страны. Американское правительство, по мнению французского дипломата Гарро, опасалось, что "французский народ займет крайне левую и независимую позицию после освобождения, и Америка лишится базы для проведения во Франции и в ее колониях политики, обеспечивающей американские интересы. Этой боязнью объясняется то обстоятельство, что США поддерживали реакционные круги Франции, пораженцев и вишистов"⁴⁰.

Де Голля и его окружение глубоко оскорбляло открытое попрание американской администрацией французского суверенитета. США отпечатали 82 млрд. франков (четвертая часть всего денежного обращения Франции) без согласия французского Временного правительства и поэтому им не признанные. Американцы вели себя в денежном вопросе более бесцеремонно и грубо, чем гитлеровцы. "Немцы установили режим военной оккупации, ввели германскую оккупационную марку, но установили соотношение между германской маркой и французским франком, тогда как союзники прибывают во Францию со своими фальшивыми франками", – говорил де Голль 12 июня 1944 г. советскому полпреду в Лондоне⁴¹.

Освобождению Франции и других европейских народов от фашизма способствовало, хотя и запоздалое, открытие США и Англией Второго фронта в Нормандии. Условия для решения этой задачи облегчились после поражения немецко-фашистских войск под Сталинградом, Орлом и Курском. Только в ходе Сталинградской битвы германское командование направило из Франции и Бельгии на Восточный фронт не менее 20 дивизий. "Во Франции не осталось ничего, кроме малоценных и плохо вооруженных дивизий ландштурма", – говорил Гарро 19 февраля 1943 г. заместителю наркома иностранных дел СССР⁴².

Однако сроки высадки союзных войск на континенте неоднократно, под разными предложениями американцами и англичанами переносились. Высадка союзников была осуществлена тогда, когда реальной стала возможность полного разгрома вермахта вооруженными силами СССР. Для голлистов открытие Второго фронта было связано с национальным унижением. Французские войска не участвовали в десантных операциях в Нормандии. Французов отправили в Италию. Они были плохо вооружены. Администрация Рузвельта обязалась вооружить 130 французских батальонов. Но свои обязательства не выполнила. "Для того чтобы вооружить армию, французы вынуждены обращаться за оружием к американцам, а американцы оружия пока не дают", – заявил де Голль⁴³.

³⁷ Там же, с. 523–524.

³⁸ Там же, с. 256.

³⁹ Борисов Ю.В. Указ. соч., с. 485.

⁴⁰ Советско-французские отношения..., с. 272.

⁴¹ Там же, с. 112.

⁴² Борисов Ю.В. Указ. соч., с. 491.

⁴³ Советско-французские отношения..., с. 490.

В ноябре 1944 г. на встрече в освобожденном Париже с Черчиллем, Иденом и Бидо де Голль выступил со своего рода обвинительной речью в адрес, прежде всего, США, а также и Англии. Предмет обвинения: плохое вооружение Франции. Де Голль подчеркнул, что с начала битвы в Нормандии французское командование не получало ни оружия, ни снаряжения. А между тем французы остро нуждались в танках, орудиях, грузовиках, радиоаппаратуре. Черчилль согласился передать Франции устаревшее снаряжение, пригодное лишь для обучения войск. Но при этом британский премьер-министр настойчиво подчеркивал, что "все зависит от американцев"⁴⁴.

Хотя оценка Черчилля и грешит преувеличением, тем не менее, многое во взаимоотношениях стран антигитлеровской коалиции определяли США. Во "французском вопросе" администрация Рузвельта отводила де Голлю и его движению роль бедных родственников, не оправдавших семейных надежд, не допускала их к решению стратегических военных и политических задач, неоднократно оскорбляла национальное достоинство голлистов.

За годы войны де Голль и его сторонники, находившиеся в эмиграции, с одной стороны, и Рузвельт во главе американской администрации, с другой, накопили тяжелейший груз противоречий, взаимного недоверия, обманутых надежд, невыполненных обязательств, личных оскорблений и обид. Оценивая этот груз, многие западные историки, политики, публицисты обвиняют во франко-американских дипломатических конфликтах военного времени де Голля с присущими ему личными качествами: галльской гордыней, высокомерием, бескомпромиссностью, упрямством.

Накладывал ли характер де Голля отпечаток на его взгляды и деятельность? Несомненно, да. Но нельзя не считаться и с эмоциональностью Рузвельта, утонченного интеллектуала, "аристократа духа". Он остро критически воспринимал французского "солдафона". Несомненно, личное противостояние генерала и президента имело и политические последствия. Роль личности лидеров особенно в военное время была значительной и в данном случае, но не имела решающего значения во взаимоотношениях голлистов с администрацией США.

В основе франко-американских противоречий военных лет лежали два принципиально разных подхода, де Голля и Рузвельта, к целям и методам внешней и оборонной политики, дипломатии. Президент Рузвельт вошел в историю как классик "интеллектуального прагматизма" в деятельности властных институтов, опирающихся на силу в ее разных формах и проявлениях. Он откровенно говорил об этом де Голлю: «Я не являюсь идеалистом вроде Вильсона, я интересуюсь, прежде всего, эффективностью, у меня достаточно проблем, которые надо решать. Мне подходят те, кто помогает их решать. Сегодня Дарлан дает мне Алжир, и я кричу: "Да здравствует Дарлан!" Если Квислинг дает мне Осло, я кричу: "Да здравствует Квислинг!"... Пусть завтра Лаваль даст мне Париж, и я скажу: "Да здравствует Лаваль!"»⁴⁵.

В соответствии со своей прагматической позицией, Рузвельт считал, что оккупированная гитлеровцами Франция не вернется в число великих держав и обречена на вечное (или, по крайней мере, неопределенно долгое) международное "прозябание". Отсюда и небрежно-пренебрежительное отношение президента к французским национальным интересам, и стремление американской администрации закрепить во французских колониальных владениях, наложить там, где это окажется возможным, руку на флот Франции, ее военное снаряжение, зарубежное имущество. Фактически американцы считали голлистов не союзниками, а назойливыми просителями, ненадежными и жалкими. Такая политика США глубоко оскорбляла де Голля, тем более, что осуществлялась она на фоне регулярно получаемой генералом информации о тайных переговорах американцев с петеновцами, о соглашениях между ними.

⁴⁴ Борисов Ю.В. Указ. соч., с. 491.

⁴⁵ Молчанов Н.Н. Указ. соч., с. 194.

Де Голль в своей политике в отношении СССР, США и Англии исходил из того, что без победы антигитлеровской коалиции освобождение Франции от фашизма, восстановление ее национальной независимости и территориальной целостности невозможно. Для достижения этих целей французы-эмигранты готовы были использовать все доступные им средства, и, прежде всего, активно участвовать в вооруженной борьбе с фашистскими державами. Однако де Голль и его сторонники с американцами взаимопонимания не добились, а англичане, которым судьба Франции была более близка, чем заатлантической республике, тем не менее, не особенно заботились о ее интересах. Только советская дипломатия последовательно и твердо поддерживала движение Сопротивления во Франции и за ее пределами как активную антифашистскую силу.

Таким образом, в годы Второй мировой войны выявились принципиальные различия в подходах, с одной стороны, администрации Рузвельта, с другой – де Голля к франко-американскому сотрудничеству, к его перспективам в послевоенное время. Это были еще только противоречия подходов. Через несколько лет после того, как замолкнут пушки на полях сражений, они станут противостоящими внешнеполитическими концепциями официальной политики Франции и США.

ДЕ ГОЛЛЬ У ВЛАСТИ: ОТНОШЕНИЯ С США

Политическая биография де Голля полна неожиданных и крутых поворотов, неудач и взлетов, надежд и разочарований. Став символом освобождения Франции от гитлеровских захватчиков, ее национальным героем, он, в январе 1946 г., через несколько месяцев после капитуляции гитлеровской Германии, уходит в отставку с поста главы Временного правительства. Более 12 лет генерал не у власти. Только в мае 1958 г. он вновь становится премьер-министром Французской Республики, которой угрожала национальная катастрофа.

Рождение Пятой Республики во Франции неотделимо от имени и деятельности Шарля де Голля. Он вошел в историю как основатель нового политического режима, вдохновитель новой Конституции. В соответствии с ней генерал в 1958 г. был избран первым президентом Пятой Республики фактически с неограниченными полномочиями, своего рода монархом образца Людовика XIV. Именно таким и был замысел де Голля. Он утверждал, что "Франция нуждается в монархии, но не в наследственной, исходящей из божественного права, а в монархии избирательной. Я исполняю функции монарха во имя Франции"⁴⁶.

В соответствии с новой Конституцией президент определял внешнюю политику страны и руководил ее осуществлением. Вскоре после прихода де Голля к власти стало очевидным, что это не лозунг, не пропагандистский миф, а реальность. Взгляды на внешнюю политику и дипломатию Франции, окончательно сложившиеся у де Голля в годы Второй мировой войны, превратились в законченную внешнеполитическую концепцию. Ее именуют "голлистской", в том смысле, что она отражает огромный личный вклад создателя Пятой Республики в теорию и практику международных отношений и внешней политики Франции, защиту национальной независимости и национальных интересов страны, ее суверенитета. Голлистская концепция отвечала дипломатической ситуации в мире и в Европе во второй половине XX в., отражала произошедшие к этому времени перемены во внутреннем развитии и международном положении Франции.

В первые годы существования Пятой Республики экономическое положение Франции было устойчивым. Она обогнала ФРГ и Италию по темпам развития экономики и стала пятой индустриальной и третьей торговой державой мира, обогнав Японию. В марте 1962 г. закончилась война в Алжире – последняя большая колониальная война Франции. Французская дипломатия, по словам К. де Мюрвиля, приобрела "полную свободу действий". Де Голль с присущим ему здравым смыслом и способностью точного

⁴⁶ Молчанов Н.Н. Указ. соч., с. 389.

выбора времени дипломатического наступления воспользовался этой свободой. Он выдвинул и обосновал программу действий французской дипломатии, имеющую в своей основе антиамериканскую направленность. Традиционным для де Голля националистическим фундаментом этой программы явилась дорогая ему идея "величия Франции".

Опираясь на принципы независимой национальной внешней и оборонной политики, де Голль определил задачи французской дипломатии: "Мой план состоит в том, чтобы освободить Францию не от Атлантического союза, который я намерен сохранить в качестве последней предосторожности, а от интеграции, осуществленной НАТО под американским командованием; установить с каждым из государств Восточного блока, и прежде всего с Россией, отношения, имеющие своей целью разрядку, согласие и сотрудничество; поступить так же в подходящий момент и в отношении Китая; и, наконец, создать такую атомную мощь, чтобы никто не смог бы на нас напасть, не рискуя получить ужасающие раны"⁴⁷.

По всем главным направлениям американской внешней политики стратегический план де Голля вступил с ней в противоречия. Для США НАТО – фундамент их политики в Европе, для де Голля – не более чем "последняя предосторожность", интеграция под американским командованием, от которой Франции необходимо освободиться. По де Голлю французской дипломатии следует установить с государствами Восточной Европы и, прежде всего, с СССР отношения разрядки, а затем согласия и сотрудничества. Французам так же следует поступить "в подходящий момент" и с Китаем. В противоположность голлистскому плану, для США социалистическая Европа и Китай являлись полем, прежде всего, "холодной войны". Де Голль поставил цель создать самостоятельное французское ядерное оружие. А НАТО стремилось подчинить ядерное оружие Франции своему контролю.

Принципиальные различия во внешнеполитических программах США и голлистской Франции привели к переменам в характере, формах и методах двустороннего сотрудничества. «Соединенные Штаты в 1946–1958 годах доминировали во французской внешней политике. Мы зависели от них в финансовом отношении – это был "план Маршалла", мы зависели от них в вопросах безопасности – это было НАТО, и главное состояло в том, что легкий путь естественно открывался для непостоянных правительств», – констатировал М.К. де Мюрвилль⁴⁸.

С приходом де Голля к власти дипломатические традиции Четвертой Республики стали терять силу. Французская внешняя и оборонная политика взяла твердый курс на защиту национальных интересов страны и ограничение агрессивных устремлений американской администрации. Этот курс, за десятилетие пребывания де Голля на посту президента Франции, прошел несколько этапов развития, каждый из которых имел свои особенности международного положения и влияния на мировые события, на состояние франко-американских отношений.

Первый этап начался в 1958 г. и закончился в марте 1962 г. завершением восьмилетней франко-алжирской войны, потребовавшей от Франции крайнего напряжения всех материальных и духовных сил. Но и в этих тяжелейших условиях де Голль сохранял верность принципам независимой внешней политики, противостоявшей любым агрессивным действиям, независимо от того, кто их совершал, и где бы они ни происходили. Пальма первенства принадлежала США, без участия которых, прямого или косвенного, крупномасштабного или ограниченного, не происходил ни один более или менее значительный международный конфликт.

В июле 1958 г. США вторглись в Ливан, а Англия – в Иорданию. Американский шестой флот занял позиции у берегов этих стран. В Вашингтоне и в Лондоне решили с французами не консультироваться и о ходе боевых операций их не информировать. Реакция де Голля последовала незамедлительно. 16 июля 1958 г. на заседании французско-

⁴⁷ *Gaullie Ch. de. Memoire d Espoi. La Renouveau. 1956–1962. Paris, 1970, p. 214.*

⁴⁸ *Murville M.C. de. Une politique étrangère 1958–1969. Paris, 1971, p. 18, 19.*

го правительства он осудил англо-американскую интервенцию. Для президента Эйзенхауэра, которого связывала с де Голлем "старая солдатская дружба", это была полная неожиданность.

Еще более болезненной для американцев была позиция Франции в отношении Кубы. США разорвали дипломатические отношения с Кубой. Де Голль же сохранил посольство в Гаване. Французы не участвовали в эмбарго против Кубы, не отказались и от связей с ней по морю. Реакция американской прессы была резко враждебной по отношению к Франции, но не заставила де Голля отступить. Он начал осуществлять свою антиатовскую программу. 14 сентября 1958 г. де Голль направил Эйзенхауэру и британскому премьер-министру Г. Макмиллану личный меморандум, в котором заявил, что членство Франции в военной организации Североатлантического союза более не отвечает потребностям ее национальной обороны. В меморандуме говорилось, что "подлинная организация коллективной обороны требовала, чтобы она распространялась на всю поверхность земли, вместо того, чтобы быть ограниченной сектором Северной Атлантики". В документе подчеркивалось, что Франция должна непосредственно участвовать в принятии политических и стратегических решений НАТО. Позже де Голль признал, что это была попытка дипломатического зондажа с целью выяснить намерения союзников Франции. "Я искал тогда возможности выхода из Атлантического союза и возврата свободы, потерянной IV Республикой в момент подписания договора с НАТО. Итак, я потребовал луну. Я был уверен, что мне ее не дадут"⁴⁹.

Луну от американцев де Голль действительно не получил, зато твердо и последовательно изложил свои взгляды на внешнюю и оборонную политику Франции, используя для этого многочисленные проявления агрессивной политики США.

Ровно через год после "личного меморандума", 16 сентября 1959 г., де Голль заявил, выступая в высшей военной школе: "Необходимо, чтобы оборона Франции была французской. Если такой нации, как наша, придется вести войну, это должна быть ее война; французские усилия должны быть ее собственными усилиями. Нашу оборону, безусловно, можно в случае необходимости координировать с обороной какой-нибудь другой страны, но мы должны осуществлять эту оборону в наших собственных интересах и по собственному усмотрению"⁵⁰.

Казалось бы, алжирская война, затяжная, кровопролитная и дорогостоящая, должна была сдерживать де Голля в реализации его независимого внешнеполитического курса. Но у де Голля дела не расходились со словами. Уже в мае 1959 г. французский флот в Средиземном море был выведен из-под командования НАТО. В июне 1959 г. правительство Франции запретило американским войскам ввозить атомные бомбы на ее территорию и устанавливать пусковые устройства. Под французское командование вернулась система противоздушной обороны. Вопреки ранее достигнутым договоренностям, французские соединения, возвращавшиеся из Северной Африки, в распоряжение НАТО не поступали.

Напряженность во франко-американских отношениях с каждым месяцем нарастала. Это стало особенно очевидным во время визита президента США Дж. Кеннеди в Париж летом 1961 г. Условия, в которых происходил визит, были необычными. С одной стороны, де Голль считал Кеннеди талантливым политиком и восхищался его женой Жаклин, француженкой по происхождению. Гостей из Америки принимали самым изысканным образом. Версальский дворец сверкал, как в эпоху Людовика XIV. Но, с другой стороны, переговоры шли трудно. По многим вопросам договориться не удалось. Критическое отношение де Голля к американской политике резко проявилось по многим актуальным вопросам международной жизни.

Франция открыто осудила вмешательство США во внутренние дела Конго, где под прикрытием ООН американцы отстранили от власти демократического деятеля П. Лу-

⁴⁹ *Gaullé Ch. de. Op. cit., p. 210.*

⁵⁰ *Молчанов Н.Н. Указ. соч., с. 413.*

мумбу. США пригласили де Голля принять участие в антиконголезской интервенции, но встретили решительный отказ. Американская дипломатия призывала французское правительство порвать отношения с Кубой, но де Голль сохранил свое посольство в Гаване, морские и торгово-экономические связи с Кубой. Особенно неприятными для Кеннеди были разногласия по Вьетнаму. Кеннеди хотел получить от де Голля одобрение готовящейся американцами интервенции в этой стране. Позиция де Голля была резко отрицательной. Он словно холодной водой обдал своего собеседника, заявив ему: "После того как нация пробудилась, никакая иностранная власть, какими бы средствами она ни располагала, не имеет шансов на то, чтобы навязать там свою волю. Вы сами в этом убедитесь. Я Вам предсказываю, что вы будете увязать шаг за шагом в бездонной военной и политической трясине, несмотря на все свои потери и расходы"⁵¹.

Однако во время президентства Кеннеди особую остроту во франко-американских отношениях приобрела не вьетнамская проблема, а вопрос о ядерном оружии Франции. Наличие этого оружия являлось для де Голля аксиоматичным, бесспорным, незыблемым условием безопасности страны, основой ее оборонной политики и гарантом успеха внешней политики. Французы не делали тайны из подготовительных работ. Более того, де Голль уже на первой своей встрече с государственным секретарем США Дж. Даллесом затронул вопрос об американской технической помощи в производстве ядерного оружия. Даллес согласия не дал. Но в Париже далеко идущих выводов из этого не сделали и обратились в Вашингтон с просьбой о продаже исходных материалов для производства атомной энергии. Против удовлетворения этой просьбы выступил госсекретарь Д. Раск. Его поддержал президент Кеннеди, высказавшийся против распространения ядерного оружия.

Трещина во франко-американских отношениях была глубокой. В Вашингтоне, скрепя сердце, мирились с независимым французским ядерным оружием, но заставить де Голля отказаться от его принципиальной позиции не могли. О лобовой атаке на французские позиции не могло быть и речи. Полный провал американской администрации был бы неизбежен. В июне 1961 г. в беседе с Кеннеди де Голль подтвердил "волю Франции стать ядерной державой"⁵². Эту позицию генерала укрепило окончание в марте 1962 г. войны в Алжире, что развязало руки французской дипломатии и дало ей свободу действий на международной арене.

В Вашингтоне упорно не хотели отказываться от монополии США в ядерной сфере. 4 июля 1962 г. Кеннеди выступил с "Декларацией взаимной зависимости", на словах предлагавшей равноправное сотрудничество западных держав, а на деле лишавшей Францию национального ядерного оружия. В Париже прекрасно поняли реальную антифранцузскую направленность американской инициативы. "Для генерала де Голля не было никакого сомнения: Кеннеди провозглашал необходимость американской гегемонии", – писал Дюрозель⁵³.

Неприятие Францией американской декларации не остановило Кеннеди. В декабре 1962 г. в Нассау на Багамских островах была достигнута англо-американская договоренность о создании многосторонних ядерных сил НАТО с участием США и Англии. Союзники пригласили и Францию. И на этот раз замысел американцев был очевиден: не считаясь с позицией Франции, взять под контроль НАТО ее ядерное оружие.

На пресс-конференции 14 января 1963 г. последовал ответ де Голля. Он заявил, что Франция не подпишет под Багамскими соглашениями, так как они находятся в противоречии с курсом на создание национальных ядерных сил "принципом нашей обороны и нашей политики"⁵⁴.

---

⁵¹ *Duroselle J.-B.* La France et les États-Unis, p. 233.

⁵² *Gaullie Ch.de.* Op. cit., p. 271.

⁵³ *Duroselle J.-B.* La France et les États-Unis, p. 233.

⁵⁴ *L'Année politique.* 1964. Paris, 1965, p. 213.

ДЕ ГОЛЛЬ В ПОИСКАХ СОЮЗНИКОВ

События дипломатической истории Европы в конце 1962 г. – первой половине 1963 г. с особой наглядностью показали зависимость внешней политики Англии от внешней политики США. Английские правящие круги постоянно следовали "в хвосте" американской администрации. Де Голль считал Англию "тройным конем" американцев в Западной Европе. В личных беседах он не скрывал своих критических оценок угодливости британских политиков и дипломатов перед американцами. Британский премьер Макмиллан поддерживал американскую администрацию в вопросе о создании многосторонних ядерных сил. А Кеннеди был активным сторонником принятия Англии в Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС). В заключительном коммюнике встречи в Нассау отмечалось, что американский президент "подтвердил интерес" США к "быстрому и счастливому решению вопроса" о вступлении Англии в "Общий рынок"⁵⁵.

Но на пути премьер-министра Англии и президента США стоял де Голль. Он своим вето закрыл англичанам дорогу в континентальную Западную Европу. Аргументация де Голля имела не политический, а чисто экономический характер. Французской дипломатии с огромным трудом удалось добиться включения сельскохозяйственных проблем в рамки "Общего рынка". Субсидии ЕЭС были спасением для французского крестьянства, но являлись неприемлемыми для Англии, с ее традиционной, исторически сложившейся системой снабжения страны продовольствием. Англия, говорил де Голль, островное, морское промышленное и торговое государство, покупающее продовольствие по низким ценам в Северной и Южной Америке, в своих бывших доминионах, выплачивая при этом крупные субсидии английским крестьянам. В итоге для Великобритании, по мнению де Голля, нужно было создать совершенно новое экономическое объединение, не имеющее ничего общего с ЕЭС.

Дверь в "Общий рынок" для англичан захлопнулась прочно и надолго. В пользу союза с США англичане получили дополнительные аргументы, одновременно наложившие негативный отпечаток на отношения Англии с Францией. Для де Голля проблема союзников в Европе, разделяющих его критическое отношение к оборонной и военной политике США, приобрела особо актуальное значение. Об этом свидетельствовали события 1963 г., когда начался второй этап франко-американских отношений при президентстве де Голля, завершившийся в 1966 г.

В вопросах финансирования и использования единого сельскохозяйственного рынка интересы Англии и Франции оказались противоположными. Переговоры Макмиллана с де Голлем ситуацию не изменили. О традиционном англо-французском "сердечном согласии" можно было только вспоминать. Для Франции становилась все более реальной угроза изоляции в проамериканской НАТО. И по этому поводу противники де Голля рисовали самые мрачные картины. Вот что писал в начале 1963 г. П. Рейно, являвшийся в 1940 г. последним премьер-министром Свободной Франции: «Франция изолирована, сердечное согласие осмеяно, беспорядок в Атлантическом союзе, раздражение – точнее – враждебность Соединенных Штатов в отношении нас, в то время как их присутствие в Европе обеспечивает нашу свободу; "Общий рынок", мотор нашей экспансии, под угрозой развала»⁵⁶.

Поистине апокалипсическая картина, своего рода дипломатический "конец света", по крайней мере, – Европы. Картина, совершенно не отвечающая взглядам и действиям де Голля. А он смело выбрал, казалось, нереальный, фантастический дипломатический вариант: историческое франко-германское примирение. И ведь "мирить" надо было государства, многовековая история взаимоотношений которых была перенасыщена ссорами, конфликтами, в том числе территориальными, большими и малыми войнами. В двух мировых войнах Германия и Франция были враждующими сторонами.

⁵⁵ Борисов Ю.В. СССР и Франция. 60 лет дипломатических отношений. М., 1984, с. 148.

⁵⁶ Le Monde, 24.I.1963; Борисов Ю.В. СССР и Франция, с. 152.

Де Голль надеялся, что примирение "вековых врагов" укрепит позиции Франции в НАТО и ЕЭС, будет способствовать созданию конфедерации западноевропейских государств, способных противостоять давлению США, сделает американскую политику более осмотрительной и компромиссной.

Для канцлера ФРГ К. Аденауэра не могло быть и речи о коренных переменах в отношениях ФРГ с США – лидером НАТО. Сближаясь с Францией, западногерманская дипломатия рассчитывала стать доминирующей силой в "Общем рынке", ускорить процесс моральной реабилитации немцев, упрочить сотрудничество с США на условиях равноправия и уважения взаимных интересов.

Идея франко-германского примирения не являлась для де Голля спонтанной и изолированной от других его планов. Она была составной частью концепции независимой национальной внешней и оборонной политики Франции. Переговоры между Парижем и Бонном были долгими и трудными. С сентября 1958 г. и до середины 1962 г. де Голль и Аденауэр встречались 15 раз и беседовали более 100 часов. Огромная работа была проделана дипломатическими службами Франции и ФРГ. В итоге был подготовлен и 22 января 1963 г. в Елисейском дворце подписан франко-западногерманский договор о сотрудничестве.

Вскоре события показали, что Парижский договор определял развитие всех форм отношений двух стран – от политики до культуры, укреплял их ведущую роль в европейском экономическом сообществе, но не ограничивал американское вмешательство в дела Европы. Западногерманские политики весьма болезненным для французов способом продемонстрировали это. В марте 1963 г. при ратификации договора о сотрудничестве западногерманская сторона, вопреки нормам международного права, внесла в его политическую преамбулу дополнения, согласно которым основой политики ФРГ являются тесный союз с США, военная интеграция в НАТО, "наднациональная Европа", участие Англии в "Общем рынке".

Это была горькая пилюля для де Голля. В его принципиальных расхождениях с американцами немцы не поддержали своего нового союзника. Факт досадный для Парижа, но далеко не единственный. Французские предложения о сотрудничестве в производстве вооружений были отклонены в Бонне, где предпочитали размещать военные заказы в США и в Англии. В конце февраля 1963 г. министр обороны ФРГ Хассель в Вашингтоне лично подтвердил подписанные с американскими фирмами контракты на производство вооружений.

Аденауэр поддержал план создания многосторонних ядерных сил, которые, по словам премьер-министра Франции Ж. Помпиду, фактически являлись американо-западногерманскими. Этот факт Помпиду расценил как "разрушительный для Европы" и даже "провокационный". Можно спросить, "не направлены ли они (ядерные силы. – Ю.Б.), в конечном счете, в той или иной мере против Франции?", – заявил Помпиду.

Французский ответ был резким: де Голль ускорил создание национальной независимой "ударной силы". В конце 1963 г. французская армия получила ядерное оружие, и началось производство самолетов, способных доставлять его к цели. Несколькими месяцами ранее из-под командования НАТО был выведен Атлантический флот Франции. Под американским командованием остались лишь две французские дивизии (вместо 14) и несколько авиационных соединений.

Подводя в июле 1964 г. первые итоги действия договора о сотрудничестве между Францией и ФРГ, де Голль признал, что он привел "в нескольких областях к частным результатам", но у двух стран не сложилась "общая линия поведения". Различными остались позиции по таким вопросам, как новая организация Атлантического союза, создание сельскохозяйственного "общего рынка", признание Китайской Народной Республики (КНР). Причину разногласий де Голль видел в том, что в Бонне не стремились к согласованной "европейской и независимой" политике.

Договор 1963 г. не оправдал ожиданий де Голля. Он не вышел за рамки двустороннего сотрудничества, не внес положительных перемен во франко-американские отношения. Напряженность стала их постоянным фактором. Это не смущало де Голля. Ни один

более или менее значительный шаг американской дипломатии, стремившейся утвердить гегемонию США, не совершался без публичной полемики голлистов с американскими дипломатами и политиками. 27 января 1964 г. правительство Франции признало КНР. Реакция госдепартамента США была быстрой и негативной: "Соединенные Штаты противятся признанию коммунистического Китая"⁵⁷. В Париже ответили критикой политики США в Латинской Америке.

Визит де Голля в "американскую вотчину" – Латинскую Америку был встречен администрацией и общественным мнением США с настороженностью и раздражением. Визит был осуществлен с размахом. В марте 1964 г. де Голль посетил Мексику, в сентябре и октябре – Венесуэлу, Колумбию, Эквадор, Перу, Боливию, Чили, Аргентину, Парагвай, Уругвай, Бразилию. Де Голль говорил об исторической общности судеб и культур латинских народов. Он рассматривал проблемы их национальной независимости и государственного суверенитета, равноправия и свободы. Можно было заранее предвидеть реакции американцев и подготовить "успокоительные заверения". Надо полагать, именно с этой целью Помпиду заявил в Национальном собрании Франции, что "некоторые хотели увидеть в этой поездке желание вырвать латиноамериканские страны из-под влияния Соединенных Штатов и заменить его французским влиянием... Такая интерпретация лишена смысла". К числу "некоторых", видимо, принадлежал и бывший президент США Г. Трумэн, который с привычной для него прямолинейной грубоватостью заявил, что де Голль решил "конкурировать с Соединенными Штатами в Латинской Америке, но лучше бы он не совал в наши дела свой нос, так как он рискует тем, что его могут отрезать"⁵⁸.

Поездка де Голля по странам Латинской Америки подогрела националистические страсти, усилила антиамериканские настроения. Они проявились и в связи с интервенцией США в Санто-Доминго, по поводу которой государственный секретарь П. Дюма 6 мая 1965 г. заявил: "Франция осуждает интервенцию Соединенных Штатов и желает вывода американских войск".

Поездка де Голля подтвердила, что и в Латинской Америке внешняя политика США основана на принципах господства и подчинения слабых сильному, попрания национальных интересов и суверенитета народов. С такими же проблемами сталкивалась французская дипломатия и в Азии, где американцы готовили новую агрессию против Вьетнама.

7 и 8 февраля 1965 г. американская авиация бомбила Северный Вьетнам. Агрессия США в Юго-Восточной Азии расширялась. Де Голль неоднократно выступал с осуждением американской агрессии во Вьетнаме. 8 февраля 1966 г. в ответе на письмо Хо Ши Мина он заявил, что исключает любое решение проблем Индокитая военными средствами, намерен ускорить "окончание конфликта и активно участвовать в его урегулировании, как только это станет возможным".

Де Голль намерен был "поддерживать с правительством Северного Вьетнама любые контакты, которые могли бы стать полезными".

Особенно большой отклик в мире получила речь де Голля в Камбодже 1 сентября 1966 г. Де Голль заявил, что Франция осуждает "нынешние события и требует политического урегулирования во Вьетнаме на условиях Женевских соглашений 1954 года". Де Голль считал необходимым "восстановить и гарантировать нейтралитет народов Индокитая и их право на самоопределение". Он заявил, что США должны "вывести свои вооруженные силы в подходящие и определенные сроки". Де Голль оценил войну в своей новогодней речи 31 декабря 1966 г. как "несправедливую" и "мерзкую"⁵⁹.

Третий этап франко-американских отношений в период пребывания де Голля у власти начался в 1966 г. Этот год историк и публицист П. Вианссон-Понте назвал "великим

⁵⁷ L'Année politique. 1964, p. 213.

⁵⁸ Ibid., p. 236, 297.

⁵⁹ Борисов Ю. В. СССР и Франция, с. 160.

годом голлистской дипломатии"⁶⁰. Несмотря на явно помпезный характер такой оценки, она в целом правильно отражала глубинный смысл событий, развернувшихся на европейской дипломатической сцене.

В исторический, как считали и считают многие французы, день – 21 февраля 1966 г. на пресс-конференции французский президент заявил, что в мире сложились "новые условия": страны Восточной Европы не угрожают Западу, а именно в целях защиты от этой угрозы и "был организован американский протекторат в Европе под прикрытием НАТО"; США участвовали в Корее, на Кубе, участвуют во Вьетнаме в конфликтах, которые могут привести ко "всеобщему пожару". В этом случае Франция, если бы ее коммуникации, вооруженные силы, порты, авиабазы долгое время находились под американским командованием, могла быть автоматически втянутой в войну. "Воля Франции располагать собой несовместима с такой организацией обороны, в системе которой она чувствует себя подчиненной".

10, 11, 29 марта 1966 г. правительство Франции в памятных записках всем членам Североатлантического союза сообщило, что с 1 июля 1967 г. оно восстанавливает единое национальное командование над своими вооруженными силами, отзывает персонал из аппарата союзных командований: Верховного, Центральной Европы, Южной Европы и подчиненных им организаций, из военного колледжа НАТО. Всем союзным штабам предлагалось покинуть территорию Франции до 1 апреля 1967 г. Специальные дополнения для США, Канады и ФРГ уточняли отдельные аспекты французских требований, предъявляемых этим странам.

Пожалуй, только с мощным взрывом можно было сравнить могучую волну общественного мнения, которая прокатилась после заявления де Голля по столицам стран-членов НАТО. Прежде всего, оскорбились американцы. Никогда еще великая заатлантическая держава не находилась в столь унижительном положении. Ее армию, генералов, офицеров, солдат с их огромным материальным обеспечением, находившихся на территории Франции в силу ее же международных обязательств, просто выставили за дверь без предупреждений, переговоров, консультаций, дав неслыханно короткое время гостям на сборы.

Чем объяснить выбор де Голлем времени для антиамериканской кампании? Причин много, но одна из них заслуживает особого внимания. Во внешней политике Франции в 60-е годы XX в. произошли существенные изменения. Правда, сердечное англо-французское согласие восстановлено не было. Отношения с ФРГ застыли на отметке "прохладно". Но появился новый фактор: Французская Республика встала на путь сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами. И почти одновременно с заявлением де Голля о выходе Франции из военной организации НАТО, 4 февраля 1966 г. в Париже было официально объявлено о визите президента Французской Республики в СССР. Эта информация еще больше разожгла антифранцузские страсти в Вашингтоне, Лондоне и Бонне.

С каждым годом пребывания де Голля у власти сближение с СССР становилось все более необходимым для французской дипломатии, так как оно укрепляло позиции Франции в Европе и в Атлантическом союзе, компенсировало противоречия с Англией и проамериканские позиции ФРГ. Начало процесса франко-советского сближения можно датировать 1960 г., когда состоялся визит во Францию председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева. Но дипломатические контакты далеко не всегда приводили к договоренностям. Камнем преткновения являлся, например, "алжирский вопрос". 19 марта 1962 г. Советский Союз признал де-юре Алжирскую Республику. Де Голль немедленно отозвал французского посла из Москвы. Но война в Алжире закончилась. Благодаря реализму и выдержке советской стороны инцидент вскоре был исчерпан, и сотрудничество наших стран стало развиваться быстрыми темпами.

Между СССР и Францией было подписано пятилетнее торговое соглашение на 1965–1969 гг. 24 марта 1965 г. де Голль заявил, что в политике советского и французского правительств есть "общая и расширяющаяся зона согласия и сотрудничества"⁶¹. Эта зо-

⁶⁰ *Viansson-Ponte P. Histoire de la République gaullienne. Paris, 1970, p. 212.*

⁶¹ *L'Année politique. 1964, p. 236.*

на охватывала многие важнейшие вопросы международной политики. Среди них – отказ СССР и Франции оплачивать расходы по организованной американской дипломатией интервенции ООН в Конго; осуждение обоими странами войны США во Вьетнаме; признание Москвой и Парижем неизбежности границ, установленных в Европе в результате послевоенного урегулирования; общность взглядов в вопросе о ядерном вооружении ФРГ. В итоге, по оценке де Мюрвилля, разрядка во франко-советских отношениях принимала "конкретную форму". Но по его словам, только поездка де Голля в СССР "увенчала эволюцию, которая произошла в течение двух или трех лет"⁶².

Де Голль находился в СССР с 20 июня по 1 июля 1966 г. Он посетил Москву, Ленинград, Новосибирск, Киев, Волгоград, космодром на Байкануре, побывал на военных учениях. Западная пресса, особенно американская, злобно констатировала необычно долгий для визитов глав иностранных государств, срок пребывания де Голля в СССР. Визит, проходивший в то время, когда еще не утихли страсти, вызванные выходом Франции из военной организации Североатлантического союза, расценивали на Западе как новый вызов де Голля США и их союзникам по НАТО.

В советско-французской декларации, подписанной 30 июня 1966 г., были рассмотрены вопросы европейской безопасности и разоружения. Граница по Одера-Нейсе рассматривалась как окончательная. Стороны подтвердили необходимость мирного урегулирования во Вьетнаме на основе Женевских соглашений 1954 г. Были рассмотрены возможности сотрудничества в сферах торговли, культуры, науки и техники.

Развивалось сотрудничество Франции не только с Советским Союзом, но и с другими европейскими социалистическими странами. С апреля по сентябрь 1966 г. де Мюрвилль посетил Румынию, Болгарию, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Югославию, подписав с этими странами торгово-экономические, промышленные, культурные, научно-технические соглашения.

От разрядки – к соглашению и сотрудничеству – этот лозунг стал активно воплощаться в жизнь во взаимоотношениях Франции с СССР и другими социалистическими странами. В новых условиях об изоляции Французской Республики на международной арене не могло быть и речи. Но и франко-американские противоречия не ослабли и тем более не исчезли. Де Голль время от времени давал им новую пищу, вызывая острую дипломатическую полемику.

Летом 1967 г. произошли события, оказавшиеся в центре международной политики. В июне 1967 г. Израиль напал на арабские страны. Представители Франции, Советского Союза, "неприсоединившихся" стран в ООН осудили израильскую агрессию. В январе 1969 г. де Голль запретил поставки любого оружия в Израиль.

Одновременно с событиями на Ближнем Востоке в июле 1967 г. де Голль на крейсере "Кольбер" направился в Канаду, где проходила Всемирная выставка. Квебек представлял для де Голля особый интерес. Его населяли 6 млн. французов – потомков переселенцев из Франции, осваивавших американские земли. В Канаде – союзнице США, существовали массовые антиамериканские и сепаратистские настроения среди французского населения.

Де Голля повсюду сопровождали проявления энтузиазма и поклонения. Когда 24 июля 1967 г. с балкона мэрии Монреаля он закончил свою речь словами: "Да здравствует Квебек! Свободный Квебек!", огромная толпа запела Марсельезу. «Факт остается фактом: де Голль – легендарная фигура в своем роде, в Квебеке же его считают почти богом. Нет ни одного человека в мире, повторяем, ни одного, который смог бы произнести "Да здравствует свободный Квебек!" и вызвать более глубокую эмоциональную реакцию, чем Шарль де Голль», – писала монреальская "Газетт"⁶³.

Информационный взрыв прозвучал на Западе, и, прежде всего, в США, где увидели антиамериканскую направленность в словах президента Франции. Канадское прави-

⁶² Борисов Ю.В. СССР и Франция, с. 159.

⁶³ Молчанов Н.Н. Указ. соч., с. 440.

тельство официально осудило выступление де Голля. Он отказался ехать в Оттаву и вернулся во Францию.

Канадский визит генерала превратился в международный скандал. В особенно острой форме он проявился во Франции. Проамериканские круги французской буржуазии и их пресса подвергли внешней политике де Голля разгромной критике. "Свободный Квебек" был для этого удобным поводом. К времени своего ухода в отставку в 1969 г. де Голль для правящего класса Франции фактически исчерпал свои властные возможности.

Взаимоотношения первого президента Пятой Республики с США и с НАТО беспрецедентны. Они не имеют аналогов в истории дипломатии западного мира в XX в. На протяжении более чем десятилетия противостояли друг другу принципиально разные, по существу противоположные курсы в сфере идеологии международных отношений, внешней и оборонной политики отдельных государств. Де Голль разработал и последовательно, преодолевая в своей стране и на международной арене жесткое сопротивление, осуществлял независимую внешнюю и оборонную политику, отстаивал государственный суверенитет и национальные интересы Франции. США, обладавшие после Второй мировой войны огромной экономической и военной мощью, стремились к мировой гегемонии, подчинили своему влиянию НАТО и другие международные военно-политические организации, вмешивались во внутренние дела других народов. Борьбу концепций американцы проиграли. Об этом неоспоримо свидетельствовали разрядка международной напряженности в Европе, Хельсинкская конференция и ее последствия.

Однако путь де Голля не был усыпан розами. Его деятельность подвергалась во Франции критике. Нападки на внешнюю политику де Голля стали ожесточенными в последние годы его пребывания у власти. Тяжело пережив события молодежной революции 1968 г., де Голль принял решение об уходе в отставку.

Чем объяснить, что де Голлю в обстановке активного противодействия проамериканских, говоря точнее, проатлантических сил удалось решить основные задачи независимой внешней политики Франции? В 50-е годы Франция переживала тяжелый социально-экономический и политический кризис. Конфликт в Алжире сделал реальной угрозой гражданской войны. Страна нуждалась в глубинных реформах общенационального значения. И не было во Франции другого государственного деятеля, к тому же героя французского Сопротивления, кроме генерала де Голля, который смог бы осуществить эти реформы.

Де Голль оказал правящим кругам Франции неоценимые услуги. Он создал авторитарную президентскую республику с централизованным аппаратом власти, который предотвратил новый Народный фронт. Генерал положил конец многолетней войне в Алжире, сохранив достоинство обеих враждующих сторон и их традиционные связи. Он вернул французским вооруженным силам их независимость от НАТО и США, в том числе, и в вопросах ядерных вооружений. Благодаря независимому курсу голлистской внешней политики, Франция не поддерживала агрессивные действия США в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке. Наконец, оставаясь всю свою жизнь убежденным антикоммунистом, де Голль, тем не менее, руководствуясь национальными интересами своей страны и интересами европейской безопасности, установил отношения доверия и сотрудничества Франции с СССР и другими социалистическими странами.

Проходят годы, и история словно "дорисовывает" образы выдающихся деятелей разных стран и народов, отбрасывая все временное, конъюнктурное, наносное. Такова судьба и де Голля. Кто сейчас будет вспоминать о таких человеческих недостатках его личности как солдатская грубоватость, излишняя прямолинейность, галльское упрямство или бескомпромиссность в оценках людей и событий? Великий француз вошел в историю как патриот своей страны, для которого священными были принципы независимости и свободы народов, их равноправного сотрудничества.